

а кровь, как запая в плече, холодна.

Наталья смотрела на сетчатку жил на дедовой руке, вспоминала: во дворе рожки колодезь и она, тогда еще девченка, — валявшая багет в лавную плину делала, таялах кукол и коров с раскатывали рожки. Она живо восстанавлила в памяти ощущение нептаваемое руками от ~~от~~ прикосновения к мертвой, поджизной земле, добротой с пятисаженной глубина, и еще со страхом смотрела на дедову руку в корытцах, плыяного убета старееших веснушках. Казалось ей, что по дедовой руке течет не веселая алая кровь, а буро-синяя сулминистая земля.

— Боишься полираны, ведуня? — спрашивала она. Дед Гришака крутил толчок, в морщинах и сучковатых ~~мелк~~, словно вотраставая ее из столетних воротника приношенного мундира, шевелил зеленую седую усов.

— Иду смертанку, как дорогова гостя. Пора уж... и попил, и царяи получил, и водки попил на своего века. — добавляла он улабаясь белозубою ртом и фронтом морщинистых глаз.

Наталья гладила дедову руку и отходила, а он все так же сгорбившись, царапая землю вотертном у ручки костялам, сидел на завалинке в Сереньком заштопанном. Во многих местах мундира; и молодое и задорно смеялись красные веселые петлицы на тугом стоящем воротнике.

Известие о том, что Наталью сватают привело ее с внешним спокойствием, но в душе горевала и злобилась: Наталья за столом подбавляла ему мушкет кукол, Наталья стирала его белышю, потопала, вазала кутки и чинила шаровара и рубахи. Оттого Дед Гришака ^{утра} и раздал для два на нее с суровой строгостью.

— Мелехов-Павлае казаки. В одном полку служил с покойником Прохором. Молодецкой был казачек. А вкуча как? Ась?

— И вкуча ничего. — уклончиво отвел Мирон Григорьев.

— Гришака то кепотничательная поганец. Надаясь идучи из церкви, вотрапаясь со мной и не поздравившись.